

Боги рассказывают собственные сказки.

Пугают своими кошмарами. Приглушив масляные лампы или электрический свет, шепчут о чудовищах, что спят во мраке. О том, как мир может трещать по швам, расползаться, будто истлевшая ткань, — из этих дыр ползет то, что питается страхами и чужой силой.

У чудовищ почти нет разума. Есть голод и желание разрушать.

Маленькая Макария поднимает одеяло повыше, так что видны только её большие глаза, такие же чёрные, как у отца.

— Их не победить? — шепчет она.

Аид улыбается и качает головой:

— Всё можно победить. Чудовища действуют в одиночку, а мы — нет.

Гадес вышел из светящейся двери Подземного мира в квартире Сета. Оглядел комнату. Тут ничего не изменилось, аккуратно застелена постель, в вазе стоят сухие цветы, а в воздухе отчётливо витает бальзамический аромат, так любимый Нефтидой.

Гадес не предупредил о возвращении, застряв в Подземном мире. Когда оказалось, что Кронос исчез и вроде бы не собирается испепелить их прямо сейчас, Зевс вполне бодро регенерирует, а забежавший Анубис сообщил, что в Дуате с остальными всё в порядке... Гадес решил, что не будет ничего плохого, если он задержится.

Первые дни он беседовал с Зевсом и на всякий случай укреплял границы Подземного мира. Потом заходили Сет с Нефтидой и Амон с Анубисом.

Они все долго осматривали открытые ворота в Тартар. Сейчас неприметная унылая глыба камня, они вели из ниоткуда в никуда. Неф ощущала их скрытую силу, врата могли снова послужить, если бы удалось найти и загнать туда Кроноса. Амон сказал, что их открыли кровью Зевса и Макарии, и оба они до сих пор живы. Сет предложил напиться.

Зевс начал лихо командовать и связываться с другими богами.

Кронос исчез. Никто не знал, ни где он сам, ни где Геката. Они испарились или, скорее, затаились. И это пугало больше всего. Гадес помнил нрав отца и не сомневался — если тот не стремится сокрушить мир сразу же, значит, будет только хуже.

Одним вечером, до того как Зевс вернулся в мир людей, они с Гадесом сидели на балконе, среди вечных сумерек и фиолетовых искр. Перед ними расстилались шпили города, расцвеченные десятками огоньков. Вино горчило водами Стикса и виноградом дальних полей.

— Геката не смогла бы уничтожить Подземный мир, — сказал Зевс. В его голосе слышалась леность и расслабленность. — Или завладеть его силой. Она тешила своё самолюбие мыслью, что у неё бы вышло, но ведь нет. Она недооценила мертвецов.

Анубис едва справился с Дуатом, а у него вся сила бога смерти.

Он отпил ещё вина, помолчал, а Гадес терпеливо ждал.

— Геката не смогла бы уничтожить Подземный мир, — повторил Зевс. — Но Кронос может. Легко.

Утром Зевс ушёл разбираться с прибывающими в Лондон богами и держать связь: не начнут ли просыпаться на зов Кроноса другие древние существа, которых боятся даже боги. И ещё Зевс хотел выяснить, откуда Геката узнала, как открыть врата в Тартар.

Это всё было днём. Вместе с утомительной рутинной Подземного мира. Но в основном Гадес оставался из-за ночей.

Тогда никто не мог помешать им с Персефоной закрыться в спальне и заново наслаждаться друг другом: и физически, и разговорами до утра, чтобы поспать пару часов и вновь вернуться к делам.

Персефона была рядом с ним, наконец-то в полной мере. И едва ли не первое, что она сказала, когда они разобрались с распахнутыми вратами:

— Я не хотела потери памяти.

Они действительно говорили об этом с Гекатой жизнь назад. Персефона отказалась. Ей нравилась мысль пережить всё как в первый раз, но она понимала, насколько будет тяжело Аиду, — и отказалась.

Видимо, её согласия и не требовалось.

Гадес не понимал, зачем это нужно Гекате. Да, конечно, ослабить Подземный мир и его, но к чему такие сложности? Он не понимал, а Персефона грустно качала головой:

— Она завидовала мне, Аид. Потому что у меня есть Подземный мир, друзья. Ты всегда ждёшь меня. А её никто не ждёт. Даже мать... её волну

я, дочь от любимого мужчины, но не Геката, плод случайной связи.

Гадес не желал думать ни о Гекате, ни о Кроносе.

Он хотел оставаться в Подземном мире, а ночами обнимать жену, зарываться лицом в её невозможно рыжие волосы, пахнувшие цветами и тьмой. Проводить руками по нежной коже, ощущая, как тело отзывается на ласки.

Они отправлялись к дальним виноградникам, где обитали остроухие воплощения душ, Цербер радостно носился среди кустов, чуть не помяв парочку. Гадес и Персефона наполняли огромную мраморную ванну и вдвоём купались в чёрной, как ночное небо, воде, среди плавающих лепестков душистых цветов.

На восьмой день после открытия врат Тартара к Гадесу явился Танатос. Он старался не попадаться на глаза после того, как Гадес запретил ему покидать Подземный мир и завалил нудной работой, которую тот терпеть не мог.

Поговорить он пришёл не об этом.

— Почему ты не хочешь найти Макарию?

— Я хочу, — ответил Гадес, — но не могу. Цербер не взял след. Макарию Геката в Подземный мир не приводила, только использовала её кровь. Она может быть где угодно. Без памяти о прошлом.

— Позволь мне заняться поисками.

— Нет.

Гадес видел, как Танатос стиснул кулаки, но промолчал.

— Ты мне не доверяешь, — сказал Танатос.

— А должен? Ты едва не прикончил Амона и убил Осириса. Тебя должны судить, как Фенрира.

Танатос встретил взгляд Гадеса, не опустил глаза, не дрогнул, хотя и без того белое лицо поблед-

нело ещё больше. Танатос прекрасно понимал, чем мог закончиться такой суд.

— Я... благодарен, что ты не сделал этого.

— Из-за твоего брата, — сказал Гадес. — А то бы устроили драму.

Танатос опустил голову, поклонился и ушёл заниматься делами Подземного мира. Гадес задумался, что он сам засиделся. И как бы ему ни нравилось тут, не стоило прятаться от того, что может происходить.

Сеф вернулась в мир людей рано утром, а Гадесу пришлось задержаться из-за очередных светильников, которые отказывались гореть в трети города.

Квартира Сета казалась тихой, пока из гостиной не раздался смех то ли Анубиса, то ли Сета.

Они оба были там. Анубис лежал прямо на полу, заложив руки за голову и уставившись в потолок. Ещё не стемнело, сквозь окна проникал сумрачный свет, такой холодный на контрасте с тёплым мерцанием ламп. Из глубоких теней соткались псы, лениво развалившиеся вокруг Анубиса.

Сет сидел на диване, у него на коленях устроилась одна из собак, и Сет чесал её маленькой и наверняка жёсткой щёткой. В комнате стояла настоящая жара, отопление явно выкрутили на максимум, так что Сет снял рубашку, показывая многочисленные татуировки, украшавшие его спину, плечи и грудь.

— Аид! — радостно сказал Сет, растягивая гласные. — Решил почтить своим присутствием?

Скептически покосившись на Сета, Аид уселся напротив.

— Ты причёсываешь собак?

— Не причёсываю, а чищу. Ты вот когда последний раз Цербером занимался? — Сет укоризненно

ткнул щёткой в сторону Гадеса. — Вооот! Однажды он на тебя обидится.

— Трижды, — хихикнул Анубис с пола.

На стеклянном столике перед ними лежал какой-то мусор, обрывки бумаги, какая-то трава. И тут наконец-то Гадес понял.

— Да вы обкурены!

Анубис умудрился пожать плечами, не меняя позы. Сет спокойно продолжил чесать пса, бросив:

— Зануда.

Гадес начинал потихоньку злиться:

— Один из самых грозных титанов вырвался на свободу, он всех может уничтожить и разбудить древних чудовищ, а вы решили накуриться?

— Аид, от того, что мы будем унывать или круглые сутки делать вид, что занимаемся делом, ничего не изменится. Зевс всех поднял на уши, так что боги ищут Кроноса и думают, как его победить. Можно иногда расслабиться. Не этим ли ты занимался с Сеф в Подземном мире?

— Мы с ней не виделись целую жизнь.

— Ну, а я не расслаблялся целую жизнь.

Сет казался умиротворённым, пёс на его коленях тянул остроносую морду, чтобы попасть под щётку, почти как делают кошки, Анубис начал что-то напевать без слов. Гадес откинулся на спинку кресла.

— И что, много здесь богов?

— Достаточно. Они почему-то решили, что теперь собираться вместе не страшно. Зато смотри, что мне сделал Ганеша!

Сет прижал рукой недовольного пса и указал на грудь, где красовалось свежее чернильное изображение скорпиона. В прочие замысловатые завитки он вписался отлично.

Татуировки не так-то просто наносились на тело бога, слишком быстро на нём заживали любые раны, поэтому рисунками занимались специальные боги, один из них — Ганеша из индуистского пантеона. Да и траву наверняка притащил тоже он.

— Скорпион же символ Исиды, — сказал Гадес.

— Да пусть эта Исида... гм, короче, мне нравится.

— Она объявилась, что ли?

Сет фыркнул:

— Ага. Внезапно.

— Она решила, что мне требуются её наставления, — отозвался с пола Анубис. — Так и заявила, представляешь! Вся такая в белом и золотом, явилась к Зевсу. Тоже, наверное, помогать советом.

Гадес отлично знал, что между Анубисом и Исидой нет особой любви. Неудивительно, он всё-таки сын её мужа, но не от неё. Гадес подозревал, Исида не стала возмущаться, что именно Анубис, а вовсе не Гор получил Дуат лишь потому, что Гора не интересовали мертвецы. Его сила была совершенно иной, Исида наверняка мечтала, как Гор становится главой пантеона.

— Зевс расскажет, куда ей пойти, — улыбнулся Гадес. — А где Амон?

Анубис снова рассмеялся:

— Осваивает «Тиндер» и явно пользуется успехом у женщин.

— Хотя бы сюда их не водит, — проворчал Сет.

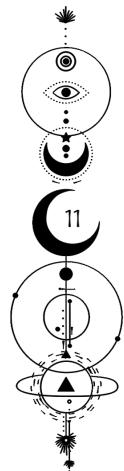
— Э! Я давно никого не водил!

— Прогресс.

— Что еще слышно? — прервал их Гадес. — Слухи?

Сет задумался:

— Слухов предостаточно. Кронос вырвался, мировой порядок нарушен. Никакой конкретики нет,

зато все пугают друг друга страшилками. Говорят, теперь, если тело бога умирает, он больше не возвращается.

— Это чем-то подтверждено?

— Вообще ничем. Только паникой.

— Надо попросить Амона добавить тебя в чатик богов, — хихикнул Анубис. — Там ещё не такие сплетни бывают!

Гадес не стал отвечать, что «чатик богов», который предлагает обкуренный принц мёртвых, — это последнее, что ему нужно. Сет тоже молчал, а когда пёс дёрнулся, чуть не цапнув, прошипел что-то по-древнеегипетски и согнал животное с колен. Ему на смену тут же забралась другая собака, подставляя узкий бок, чтобы его почистили. Щётка не торопясь заскользила по тёмной шерсти.

В Африке Гадесу доводилось видеть ближайших родственников псов Сета. Тонконогие, поджарые, верные спутники туарегов, способные часами загонять добычу. Они существовали и сейчас, узкомордые азаваки.

— Ты не принесёшь чаю? — негромко обратился Сет к Анубису. Фраза прозвучала вежливо и аккуратно, с намёком, что Сет хочет поговорить с Гадесом наедине.

Анубис это понял, что-то проворчал, поднимаясь, и исчез в коридоре. Вскоре послышалось, как он гремит посудой на кухне.

Щётка так же спокойно проходила по тёмной, сотканной из теней, шерсти, когда Сет сказал:

— Он стал слышать мертвецов.

— В каком смысле слышать?

— В прямом. Здесь и сейчас слышать тех, кто в Дуате.

— Но это же...

Гадес не мог найти нужного слова, и Сет спокойно закончил:

— Грёбаное дерьмо. Аид, мы с тобой достаточно давно знакомы, чтобы я понимал, что это ненормально. Даже Осирис мертвецов не слышал. Это сводит Инпу с ума.

Гадес задумался. Это действительно совершенно неправильно, особенно для Анубиса, который не то что к Дуату за спиной не привык, но и своей стихийной силой всегда управлял не очень хорошо.

— В Подземном мире всё нормально? — спросил Сет.

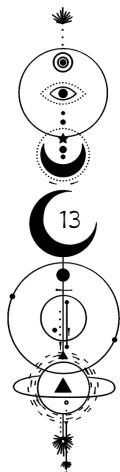
— Пока да. Но может, и правда нарушен мировой порядок, поэтому многое начинает идти не совсем так, как надо. А что насчёт тебя?

Сет пожал плечами:

— Ты знаешь, что с момента открытия Тартара ни я, ни Зевс не ощущали ничего необычного. Ну, только яд. Сехмет хочет поговорить, вроде как нашла менее громоздкий способ делать зелья, даже как-то улучшила его, чтобы лечить и другие раны. Потребуется вода из Стикса.

— Сколько угодно, — кивнул Гадес. — А что в остальном?

— Скоро разорюсь на отоплении, потому что вечно мёрзну после силы Осириса. И с людьми говорить ещё сложно, я вижу их смерти, хотя меньше, чем раньше. Ещё спать не могу из-за яда или из-за той же силы Осириса. Ты это хотел узнать? — В голосе Сета сквозило неприкрытое раздражение, пёс под его руками твякнул от слишком резких движений. — Извини. Я рад, что хотя бы в Подземном мире всё спокойно. И у Нефтиды, они вместе с Амоном теперь периодически пропадают у Зевса, занимаются делами.

На губах Сета мелькнула улыбка, и он погладил пса между ушами.

— Представляешь, Неф достала Деметру, и та рассказала, какое снотворное и на богов действует. Там какие-то правильные травки, так что теперь хотя бы бессонных ночей не будет.

— Деметра говорила с Персефоной. Но без меня.

— Может, хоть Кронос, который освободился из-за её второй дочери, немного приведёт мозги этой двинутой в норму.

— Как грубо, — улыбнулся Гадес.

— Да просто трава отпускает. Так ты будешь чесать Цербера или нет? У меня есть ещё одна щётка.

Едва Гадес переступил порог клуба Сета, как у него закружилась голова. Столько сил из всевозможных пантеонов тут смешалось, будто восточный базар, напоённый гомоном на разных языках и ароматом сотен специй. Пусть тут в стены билась электронная музыка, метались неоновые огни, а бармен лихо смешивал коктейли, пока девушка в короткой юбке фотографировала его на мобильник.

Нефтида и Персефона должны быть здесь, они хотели встретиться с Зевсом, и Гадес рассудил, что они наверняка в VIP-зоне. Он начал пробираться сквозь толпу, когда кто-то неожиданно схватил его за локоть.

Это оказался Амон, решительно оттащивший его в сторону от танцпола, к стене, где музыка звучала потише.

— Гадес! Рад, что ты здесь. Думал, Анубис придёт с тобой.

— Они с Сетом обкурились травы дома.

— Без меня? — Амон округлил глаза. — Хотя хорошо, что Сета нет. Сюда явилась Кали, а вдвоём

с Сетом они обычно умудряются что-нибудь разнести, исключительно по-дружески, конечно.

— Что здесь за дурдом?

— Пока ты был в Подземном мире, в Лондон прилетела куча богов. Они почему-то считают, что теперь бояться нечего. Или, точнее, что теперь-то и начнётся мрак, поэтому нет смысла отсиживаться по своим норкам. Клуб стал местом, где все собираются.

— Зато у Сета будет чем платить за отопление, — проворчал Гадес. — Где Зевс? И Персефона.

Амон махнул рукой в сторону ВИП-зоны. Его собственная сила ощущалась сейчас очень ровной, обнимающей и обтекающей, как плавящееся на солнце масло. Не скрывавшей внутренней мощи. Гадес не сомневался, это чтобы остальные боги не забывали, кто он.

Амон хмурился, явно хотел сказать что-то ещё.

— Гадес. Я пока не говорил остальным... но Апоп просыпается.

— Что? Почему ты молчал?

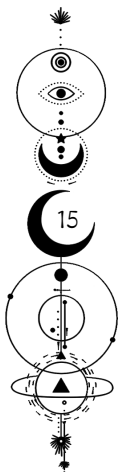
— Потому что этого мы и боялись. Кронос поднимает древних монстров, а их в каждом пантеоне найдётся не меньше парочки.

Амон не говорил этого вслух, но Гадес и сам понимал: когда древний змей окончательно проснётся, он придёт за Амоном.

— Держись поближе к Сету, — посоветовал Гадес. — Он ведь единственный, кто может победить Апопа.

— Этого я и опасюсь. Что Сет полезет.

Амон провёл рукой по волосам и отвлёкся на завибрировавший телефон. Ждать его Гадес не стал и направился к ВИП-зоне. В царящей в клубе какофонии божественных сил трудно было выделить

кого-то определённого, только мелькнул Ганеша, массивный байкер в потёртой джинсовке.

Когда Гадес наконец-то уселся рядом с Зевсом, напротив Нефтиды и Персефоны, то чувствовал себя совершенно вымотанным.

— Нужно ввести правило, — заявил он, — приглушившим силу второй коктейль бесплатно.

Зевс фыркнул:

— Красуются, как павлины, распустившие хвосты.

Гадес воздержался от замечания, что сам Зевс делает то же самое. Постоянно. Даже сейчас воздух вокруг него словно наэлектризовался, хорошо хоть не искрил.

— Я предложу Сету, — кивнула Нефтида. — Второй коктейль не стоит, но сделать правилом скрывать силу в клубе точно разумно.

Персефона ничего не сказала, она протянула руку и коснулась кончиками пальцев ладони Гадеса. Это успокаивало, прогоняло туман в голове и смиряло с царящим вокруг хаосом.

Главное, не говорить Сету про хаос. Иначе он порадуетя и ничего менять не будет.

— Мы выяснили, откуда Геката узнала о том, как разрушить врата, — сказала Персефона. И её голос был одновременно голосом и Софи, и королевы Подземного мира, шелестящим, проникновенным.

— И?

— Гера, — бросил Зевс. — Ей рассказала Гера. Она даже отпираться не стала, когда я спросил. Говорит, не думала, что Геката этим воспользуется. Врёт, конечно.

Гадес не стал спрашивать. Он ещё успеет сделать это наедине с братом, если тот захочет что-то рассказать. Отношения с женой у него

сложные, Гадес так в принципе старался с ней не пересекаться.

Зевс явно доверял жене, чтобы рассказать о врагах в Тартар. И сейчас Гадес видел, как Зевс смотрит исключительно на стол, не пытается язвить или поучать. Значит, его действительно задело, куда больше, чем он хочет показать.

— В разных пантеонах говорят о том, что чудовища просыпаются, — сказала Нефтида. — Если так пойдёт дальше, у всех будет море проблем помимо Кроноса.

— А ему это зачем?

— Он будит специально. Собирает армию, которая уничтожит непокорных богов.

В каждом пантеоне существовали свои чудовища. Гадес с ними не сталкивался и мало о них знал. Первые появились ещё при старых богах вроде Кроноса, почти без разума, но с жадой убивать богов. Кто-то считал, они — оружие мира против тех, кого почти невозможно убить. Другие полагали, чудовища родились из страхов и ужаса перед непознаваемым.

Их не убивали, погружали в вечный сон, а позже пугали детей как богов, так и людей. Змей Апоп у египтян, Ёрмунганд у скандинавов, Тифон у греков. Они стали частью мифов, а потом их усыпляли ради безопасности. Так они и спали до нынешнего времени, пока не появился Кронос.

Гадес размышлял о том, что могут значить странные чудовища, боги вокруг шумели, что-то обсуждали.

А потом время остановилось.

Музыка оборвалась, свет замер, люди застыли, а боги с недоумением оглядывались, но Гадес и без того понимал, что это. Пальцы Сеф крепче сжали его ладонь.

Кронос с лёгкостью порвал защиту клуба и проник внутрь. Появился из воздуха. Не побоялся десятка богов.

Титан не демонстрировал силу, он сам был силой. Дикой, необузданной, первозданной, подчинявшейся мановению его руки.

Гадес не был уверен, действительно ли Кронос выглядит как человек или принимает такой облик. Сейчас он тоже предстал обычным мужчиной: средних лет, с аккуратной бородкой, в деловом костюме, который казался для него совершенно неуместным. Хотя что не казалось бы? Звериные шкуры и ожерелье из клыков? Доспехи, устаревшие пару тысяч лет назад?

Кронос не терял времени за эту неделю. Он осваивался в новом мире.

Только его волосы казались живой, шевелящейся тьмой, бездной, поглощавшей свет. И глаза — два тёмных провала.

— Мои любимые сыновья.

Его голос звучал одновременно и в застывшем воздухе, и в голове. Песок и земля, горы и океаны, вечность и бездна. Гадес помнил, сколько сил они потратили, когда втроём заточили Кроноса в Тартаре. Теперь у них не было Посейдона.

Остановившись у их столика, Кронос небрежно оперся на него одной рукой. Нарочито расслабленная поза, но Гадес знал, стоит ему выпустить в сторону отца силу, как тот легко размахнет его по стеклянной поверхности стола.

Не выдержал Зевс. Сначала Гадес решил, что тот импульсивен, но потом понял, что Зевс хочет вовсе не навредить Кроносу, а прощупать его силу. Не успели молнии достичь кожи Кроноса, как тот небрежно приподнял руку.

Молнии осыпались тысячью мельчайших осколков, а Зевс отлетел к стене, разбивая висевшее там зеркало.

Гадес не шевельнулся. Он знал, что Кронос видит само время, может замедлять или ускорять его по собственному желанию.

— Как непочтительно вы встречаете отца. — Кронос наклонился к Гадесу. — Вы заточили меня на тысячи лет. Убить вас будет слишком милосердно. Я вас уничтожу. А после все боги этого мира подчинятся мне, иначе я убью каждого из них.

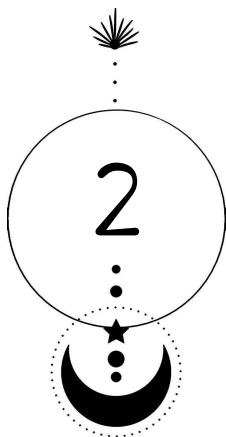
— Ты совсем не изменился, — спокойно ответил Гадес. — Опять «подчиню, уничтожу»... мы справились без тебя. Само твоё присутствие нарушает мировой порядок.

— Я и есть мир.

Музыка снова заиграла, лучи света заскользили, вернулся гул голосов. Кронос исчез, Зевс поднимался с пола, Нефтида помогала ему.

А пальцы Персефоны едва заметно дрожали на руке Гадеса.

Гадес отмахивается от верблюда, который жёсткими подвижными губами явно хочет откусить ему ухо. Сет отводит животное к акации, где уже разместился его верблюд, меланхолично обедая куст.

— Ты привыкнешь, — заявляет Сет. — Тебе понравится пустыня.

— Или смирюсь, — мрачно предполагает Гадес.

Он кисло смотрит на разожжённый костёр, и в глубине души Сет боится, что другу действительно не понравится. Что он так и не проникнется песком, чёрными камнями и шуршащими по земле змеями.

Сет искренне радуется, когда видит, что с течением ночи на губах Гадеса появляется улыбка. И смеётся вместе с ним, задрав голову к небу, где будто бы отражаются песчинки пустыни — сотни и тысячи звёзд.

Звеня браслетами, Нефтида раскладывала карты Таро. Не торопясь, плавными движениями, сначала тасуя колоду, потом рассматривая цветные картинки.

Сету ну очень хотелось поторопить, но он молчал, нетерпеливо отстукивал ритм пальцами по столешнице.

Нефтида глянула на него, не поднимая головы:
— Поттише, пожалуйста.

Сет перестал стучать, но от едкого комментария не удержался:

— Неужели нельзя быстрее.

— Карты не терпят суеты. Куда ты торопишься?

Она, разумеется, отлично знала куда. Сет подумал, что могла и специально тянуть время: Нефтида не любила Сехмет, даже когда Сет отправлялся к ней по делу.

— На свидание, конечно, — отозвался Сет. — Нагадаешь мне смерть?

Вместо ответа Нефтида взгляделась в разложенные карты. Сету они ровным счётом ни о чём не говорили, но ему нравилось задумчивое выражение лица Нефтиды. Она смотрела куда-то сквозь время и пространство, но не так отстранённо, как это делал Осирис, а, наоборот, оставаясь очень земной и осязаемой.

— Смотри.

Он наклонился, рассматривая карты: от них пахло благовониями и картоном. Палец Нефтиды с чёрным ногтем и нарисованными хной знаками на фалангах скользнул вдоль изображений.

— Башня означает изменения. Полное разрушение старого, всех основ. Рядом Шут, так что это можно трактовать как освобождение. Падение прошлого, начало нового пути.

— Карты не говорят о том, как уничтожить Кронаса?

Вздохнув, Нефтида одним движением собрала колоду со стола и начала тасовать:

— Конечно нет. С этим придётся справляться самим. Для начала можно объединить силы.

Нефтида говорила об этом с самого начала: богов много, против сил нескольких пантеонов никакой титан не выстоит. В принципе никто не возражал, но боги многие тысячелетия оставались слишком разобщены. Да, представители разных пантеонов часто взаимодействовали друг с другом, но объединиться полностью, за кем-то пойти... не было лидера, которому верили все. Даже всегда готовый Зевс в последнее время притих. Да и многие считали его не слишком-то надёжным.

— Ты знаешь, с этим много проблем, — сказал Сет.

— Знаю. Я рада, что многие боги сейчас приходят в клуб. Неплохое начало для объединения.

— И прибыли.

— Ну тебя!

Сет хмыкнул:

— Пару столов приходится заменять почти каждый день. Так что я бы не сказал, что всё тихо и мирно.

— Это боги. Как же без небольших разрушений.

Она многозначительно посмотрела на Сета, но он предпочёл отвести взгляд и сделать вид, что не понимает, о чём она. Хотя сам действительно не видел особых проблем в том, чтобы обновлять интерьер.

Как раз сейчас, пока они с Нефтидой сидели в маленькой служебной комнатке клуба, Анубис и Амон помогали грузчикам с очередной партией мебели. Что ж, они сами вызвались.

Сложив карты в чёрный бархатный мешочек, Нефтида затянула золотистые тесёмки:

— Кстати, когда я просила устроить выходной, то не имела в виду накуриться с Инпу.

— Ты не уточнила, — нахально улыбнулся Сет.

— Я серьёзно, выходной не помешает. Это Гадес может считать, что ты здесь только куришь, я-то знаю, последнюю неделю домой приходил лишь поспать.

И то не очень успешно.

— Мне нравится клуб, — пожал плечами Сет. — С богами тут прибавилось забот.

— Как хочешь. Давай, иди уже!

Он прошёл узкими коридорами к запасному выходу, не попадаясь никому на глаза. Ещё пара минут ушла на то, чтобы добраться до парковки. Сет торопился, но не потому, что опаздывал. Уже темно, холодало, и даже шерстяное пальто казалось слишком тонким. И людей к вечеру уж слишком много, Сет старался не смотреть на них.

Оказавшись в машине, он наконец-то выдохнул. Включил двигатель прогреться.

Сет не хотел говорить Нефтиде, но он предпочитал проводить время в клубе ещё и потому, что там почти не замечал силы Осириса — особенно среди богов. Вечные существа, они словно вне времени и вне смерти. Их тела поддерживали божественные сущности, которые не старели.

Занимаясь делами, Сет ощущал пульсирующую энергию жизни. Привычный песок и огонь, крепко связанный с землёй и чем-то очень основательным, что не сотрёт даже самум. Но стоило остановиться, и поднималась вязкая, густая сила Осириса.

Сета постоянно окружали боги смерти, он давно к ним привык. Сила Гадеса ощущалась как покрывало, как плащ, который привычно тащится за ним и окутывает по мере надобности. Пахнущий асфоделями и сухой пылью некрополей.

Смерть Анубиса вихрилась стихийно, стремительные крылья за его спиной, ближе к Сету, тако-

му же порывистому, не понимающему плавности и спокойствия.

Но сила Осириса — холод и мрак. Запечатанная гробница, в которой оказался заперт Сет, и скоро ему не хватит воздуха. Она давила весом Великой пирамиды, вымораживала изнутри, нашёптывала о той окончательной смерти, которая ждёт даже богов.

Когда-то Сет полагал, он мог спокойно уйти, если бы пришёл его час. Ничто не изменится в мире, звёзды продолжают сиять над пустыней, даже богам стоит принимать эту данность. Но ощутив внутри холодную смерть, которую несла сила Осириса, Сет понял, что умирать он совсем не хочет. У него ещё много дел и целей.

Он не смог бы оставить ни Анубиса с Неф, ни Гадеса и Персефону, ни Амона, особенно когда змей просыпается.

Но Сет отлично понимал: он жив благодаря силе Осириса. Иначе ударная доза яда Оружия Трёх Богов уже давно бы его прикончила. Яд он тоже ощущал. Струйкой слабости, просачивающейся сквозь его собственную силу, сквозь физическое тело и божественную сущность. Разжижающий кровь, заставляющий хотеть спать — и не дающий спокойно уснуть.

Сет включил музыку, покрутил громкость, чтобы мощные звуки металла заполнили салон, и наконец-то повернул ключ зажигания.

Боги селились в отелях в зависимости от своих предпочтений, но Сехмет сняла квартиру. Похоже, она знала, что задержится, или очень не любила отели. Сет давно жил в Лондоне, поэтому неплохо ориентировался и без труда отыскал нужный адрес.

Небо затянуло тучами, так что звёзды не горели, только сияющие фонари и мутные магазинные ви-

трины. Поёжившись от промозглой мороси, забирающейся за воротник, Сет торопливо зашёл в дом и поднялся.

Сехмет открыла почти сразу. Насмешливая, в узких чёрных джинсах и кофте цвета крови, с рассыпавшимися по плечам тёмными волосами.

— Долго ты.

— В большом городе не погоняешь по дорогам.

Приходить Сет не хотел. Он искренне не понимал, что такого может рассказать Сехмет лично, чего не доверишь телефону. И не сомневался, она всего лишь хочет заставить его приехать, ощутить свою власть.

Квартира оказалась небольшой, но уютной. Старая мебель, явно оставшаяся от прежних владельцев. Если Нефтида сразу обустраивала пространство под себя, то Сехмет устраивало то, что есть. Её не очень заботил внешний лоск или уют.

Она махнула рукой на продавленный диван с цветастым покрывалом, но садиться Сет не стал. Пальто пришлось снять, хотя Сет с удовольствием обошёлся бы и без этого, в нём теплее, но ни за что не признался бы в этом Сехмет.

— Я могу быть радушной хозяйкой и предложить чаю... но мы оба знаем, что я не такая, а ты пришёл не для праздных бесед.

— Рад, что мы понимаем друг друга. Что выяснила о яде?

Сехмет усмехнулась:

— Мог бы для вежливости хоть спросить, как у меня дела! Иногда стоит разговаривать, а не пользоваться.

— Не устраивай спектакль, Сехмет. Здесь нет зрителей.

Он подошёл к окну, прикрытому пыльными занавесками, тоже наверняка от предыдущих вла-

дельцев. Он чувствовал себя неуютно в доме, который не нёс не то что отпечатка, а даже тени своего владельца. Отельные номера и то лучше, они хотя бы одинаково безлики.

Окна выходили на улицу. В свете фонарей Сет видел торопящихся по своим делам людей, их головы превращались в черепа, тела осыпались прахом, и, несмотря на влажность, на губах ощущалась пыль.

Он моргнул, отгоняя видения от силы Осириса, и снова посмотрел на Сехмет. Гибкую, яркую и такую живую.

— Ты сама ушла, — сказал он. — Я тебя не бросал.

Сехмет скрестила руки на груди:

— Ты предал брата и ничего не рассказал. Что я должна была думать? Ты хотел убить Осириса.

— Ты могла мне верить.

Нефтида порой уходила, встречалась с другими мужчинами, и Сет хоть и бесился, но в глубине души признавал, что она права: за тысячи лет кто угодно устанет друг от друга, так что стоит иногда прерываться, чтобы потом снова смотреть с восхищением.

Но когда Сет узнал, что Нефтида с Осирисом, это было... неприятно. Нефтида родила от Осириса ребёнка, и это было... Сет так и не смог подобрать нужного слова.

Они сошлись с Сехмет. Меж песков пустыни и разливов Нила, в заполненном солнцем Кемете. Оба яростные, неумолимые, способные создать песчаную бурю случайно, такую же пряную от страсти, как они сами.

Сет узнал о планах Осириса, который жаждал для «общего блага» переместить всех людей в царство мёртвых, но не рассказал Сехмет. Создав

Оружие Трёх Богов, он хотел убить брата, но не поставил в известность Сехмет. Она ушла. Гордая, обиженная, считающая, что он её использовал.

Тогда вернулась Нефтида. Она не задавала вопросов, не устраивала истерик и не требовала объяснений. Она верила.

Сейчас Сехмет склонила голову набок и коснулась ладонью груди Сета. Её рука была приятно горячей. Даже через ткань рубашки она хоть немного разгоняла холод, и Сет стоял не двигаясь.

— Скажешь, я тебе не нравлюсь? До сих пор. Хоть чуточку.

В её голосе перекатывалось рычание дикого хищника, огромной кошки, которая расслабленно мурчит, изящно выгибается, но оторвёт тебе руку, если потребуется. Когда-то именно поэтому Сехмет привлекла Сета. Она была такой же опасной и неудержимой, как он сам.

Её пальцы скользнули между пуговицами, под рубашку, и Сет перехватил её руку, отстранил. Он не знал, насколько далеко Сехмет может зайти, провоцируя, но и выяснять не хотел.

— А что скажет твой нынешний любовник?

Он слышал, сейчас Сехмет с кем-то из ацтекского пантеона. Вполне в её духе: те боги всегда готовы к кровавым жертвам и жаждут оторвать кому-нибудь голову.

— Он может присоединиться к нам, — промурлыкала Сехмет. В притворном изумлении подняла брови. — Нефтида так против небольшой компании? Мы могли бы и её пригласить.

Сет резко отпустил руку Сехмет. Не из-за её слов — она говорила что-то ещё, но он уже не слышал. Он чувствовал себя так, будто попал в суховей, но этот вызвал не ветер, а яд. Ползущий внутри, будто змея, заставляющий воздух сгуститься,

сердце замедлиться, лечь и умереть прямо здесь. Во рту пересохло, а перед глазами стремительно темнело. Казалось, один свернувшийся внутри холод не давал жару полностью завладеть телом.

Ухватившись за спинку дивана, Сет на ощупь сел, почти упал, даже не ощущая продавленного сиденья. Перед глазами постепенно прояснилось, звон в ушах исчез, вернулась чувствительность, и Сет ощутил под пальцами пыльную шероховатую обивку.

Сехмет сидела напротив. Она молча придвинула к нему стакан с водой, а после второй, с чем-то дымчато-жемчужным.

— Что это? — спросил Сет и покорно выпил.

— Моя версия зелья. Боги-лекари сделали, что смогли, в кратчайший срок, но оптимизаторы они так себе. Их зелье сложное и трудоёмкое. Я обойдусь водой из Стикса и парой ингредиентов из Дуата. Научу оставшихся лекарей.

— Спасибо.

Сехмет сейчас не пыталась ни соблазнить, ни ворошить прошлое. Она едва заметно хмурилась, и Сет вспомнил, что, несмотря на свой взбалмошный характер, Сехмет — защитница богов. Она сделает всё, чтобы помочь им, даже если среди них Сет.

— Ты ведь понимаешь, что в тебе слишком много яда? — спросила Сехмет. — Ты жив из-за силы Осириса, а не благодаря зелью.

— Да.

— Зелье отлично поможет Зевсу, тем более оружие у меня, никто им больше не воспользуется. Но ты совсем другое дело. Даже с зельем яд будет продолжать действовать, хотя и не убьёт.

— Да. Но я не знаю, что это значит.

— Никто не знает. Но на всякий случай не умирай. Возможно, пока ты будешь возвращаться, яд

сумеет без зелья убить твою божественную сущность.

— Я постараюсь, — усмехнулся Сет.

Он не стал говорить, что его волновало другое. Его физическое тело не умирало последние лет двадцать, он был достаточно аккуратен. Но и предположить не мог, что будет, если змей Апоп действительно проснётся и придет за Амоном. Хватит ли у Сета сил его победить? Легенды гласят, это может сделать только он. И дело вовсе не в том, что другие боги слабее, просто это его дело, его сила может сразить.

Сехмет откинулась на спинку кресла, и оно протяжно скрипнуло. Хотя бы не рассыпалось.

— Когда Анубис написал, я не думала, что это серьёзно. Да, слышала о вашей заварушке с убийством богов, даже об Оружии. Но всё казалось далёким и не важнее обычных разборок.

Она подняла руку, ладонью к Сету, и провела по воздуху сверху вниз, её пальцы слегка шевелились.

— Но я чувствую в тебе яд. И он необычный. Я пришла, потому что Анубис попросил. Но осталась.

— Ты бы всё равно пришла.

Опустив руку, она не ответила, но Сет знал, что Сехмет не настолько легкомысленная, какой хочет казаться.

— Я хочу попросить, — сказал Сет. — Остайся пока здесь.

— Боишься, зелья не хватит? Не волнуйся, я оставлю рецепт, даже ты сможешь его смешать.

— Нет, боюсь, может понадобится лекарь.

— Я подумаю, — отозвалась Сехмет насмешливо.

Запас благожелательности Сета иссяк, он наклонился вперёд и почти прорычал:

— Останешься!

— Что ты себе позволяешь? — тут же вспыхнула Сехмет. — Никогда тебе не подчинялась и не буду!

Он не стал возражать, решив, что, если придётся, можно попросить Амона приказать. Сехмет не осмелится не подчиниться. Амон тоже будет убедителен, он не хуже Сета понимает, что лекари сейчас нужны, и желательно рядом.

— Если бы Кронос хотел убить Гадеса или Зевса, то уже сделал это, — сказала Сехмет. — Вряд ли твоему другу что-то угрожает.

Сет ненавидел продумывать планы. Он предпочитал действовать здесь и сейчас, поэтому даже задумываться о лекарях казалось ему непривычным. Может, так действовала сила Осириса. Или обычные опасения.

— Кронос что-то задумал, — проворчал Сет. — Апоп просыпается.

Сехмет снова нахмурилась. Если кому и принадлежала её верность, то именно Амону, его она слушала беспрекословно и так же безгранично уважала. Если есть опасность для Амона, она точно задержится.

— Если Анубису понадобится помощь, ты можешь.

— Ты совершенно не умеешь разговаривать с людьми, — заметила Сехмет. — Конечно. В отличие от тебя, Анубиса все любят.

Она хотела добавить что-то ещё, но Сет решительно поднялся. Остаться дольше он не хотел.

— До встречи, Сехмет. Спасибо.

— Надеюсь, до встречи, Сет.

В машине Сет первым делом включил печку и обхватил себя руками, ожидая, когда прогреется салон: в некоторые моменты холод становился почти невыносимым. Казалось, что коченели кон-

чики пальцев, а губы немели, и становилось так сложно произнести хоть слово.

Один из псов захотел показаться, и Сет позволил. Тени прошелестели и появились в виде чёрных остромордых собак на соседнем сиденье. Тут же запахло мокрой землёй, голова из теней ткнулась в локоть Сета. Он не знал, псы ощущали его холод или мёрзли сами в промозглom и сыром лондонском воздухе. Расстегнув пальто, он позволил собаке забраться на колени и укрыл. Сразу стало теплее.

Когда Гадес зашёл в ванную, то скользнул по Сету взглядом, но ничего не сказал. Хотя Сет видел, что тот удивился. Спокойно вымыв руки, Гадес снял полотенце и, вытирая, повернулся к Сету:

— А я всё думал, зачем тебе ванна, если есть душевая кабина.

Вместо ответа Сет выдохнул в его сторону горький сигаретный дым.

— Здесь вытяжка лучше всего работает, — пояснил Сет. — Ненавижу, когда мебель дымом воняет.

— Поэтому ругаешься на Анубиса, если он курит на кухне? Он всё равно это делает.

— И считает, что я ничего не замечаю.

Хмыкнув, Гадес повесил полотенце и подошёл к ванне, в которой удобно расположился Сет.

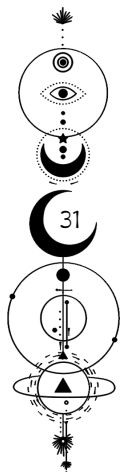
— Давай двигайся.

Пришлось согнуть ноги, и Гадес уселся напротив. Потянулся, чтобы достать из лежавшей пачки сигареты.

— Ну, ты надымил. Явно давно сидишь.

Гадес закурил, смотря куда-то в сторону и, не отводя взгляд, заметил:

— Там на шкафчике сидит твой пёс. Это нормально?

— Они могут появляться где хотят. Этот любит высоту.

— Ты их различаешь?

Сету не приходило в голову давать псам имена, и они такого не поняли бы. Но он знал их по оттенкам ощущений, по характерам, который у каждого свой. Хотя объяснить такое не рискнул бы.

Они молча сидели и курили в душевной ванной, наполненной теплом и уютной тишиной.

— Я был у Сехмет, — сказал Сет. — Она создала зелье.

— Отлично.

— Можешь порадовать Зевса.

— Да ему и так неплохо. Он не очень остро реагировал на нехватку зелья. Зато прощупал Кроноса своей молнией.

— И как?

— Говорит, Кронос не так силён, как хочет казаться, — ответил Гадес. — Поэтому поднимает чудовищ. Но это Зевс, он может искренне уменьшать.

— Думаешь, Кронос не нападает по другой причине?

— Он осторожничает и выжидает. Нам это в любом случае не несёт ничего хорошего.

Покрутив сигарету в руках, Сет посмотрел на неё. Ещё один пёс появился на стиральной машинке, разглядывая то Сета, то Гадеса.

— Расскажи о Титаномахии, — попросил Сет.

Вспоминать Гадес не любил, а произошло всё задолго до их знакомства. Но в этот раз Гадес не возражал.

— Тогда в пророчества верили куда больше, чем сейчас. Кроносу предсказали, что его дети поднимутся против него. Поэтому каждого рождённого он запирает в пещере. Не очень весёлое детство.

Но Зевсу удалось вырваться, он смог освободить меня и Посейдона, за ним пошли другие боги. Мы сражались против Кроноса и титанов. Победить остальных оказалось проще.

Он помолчал, собираясь с мыслями или просто вспоминая. Сет не торопил.

— Было много боли и крови. Очень. Кронос не желал смириться. И он не такой дурак, каким может казаться. Но у него тоже есть слабые места. Я создал Подземный мир, вместе с Посейдоном и Зевсом нам удалось заманить туда Кроноса, и втроём мы запечатали врата в Тартар. Это произошло очень давно.

Сет видел, что воспоминания об этом всё равно хранятся в глубинах памяти Гадеса. Отражаются на его лице неуловимо изменившимся выражением, тьмой, что всколыхнулась вокруг него.

— Кронос жесток, — сказал Гадес. — Его ничто не сдерживает. Он силен и правит чудовищами, а у нас пока не очень выходит объединяться.

Сет понимал, что Гадес имеет в виду всех богов.

— Пусть Зевс попробует, — предложил Сет.

— Ты же его не любишь.

— Потому что он напыщен и самоуверен. Но может стать неплохим лидером, если будет слушать тебя.

— Кто бы меня слушал, — проворчал Гадес. Посмотрел на Сета. — Если придет Кронос, пообещай, что не полезешь в драку.

— Даже не собирался.

Сет не врал: он действительно об этом не задумывался. Да и к чему! Если Гадесу будет угрожать опасность, он точно не станет размышлять.

Когда они наконец-то вышли из ванной, Анубис лежал в гостиной, уткнувшись лицом в подушку, и картинно стонал:

— Ты решил нас угробить! Между прочим, рабство отменили больше сотни лет назад.

— Вы сами хотели помочь, — заметил Сет.

Подняв голову, Анубис посмотрел на Сета, явно стараясь придать своему лицу наивысшую степень страдания:

— Не мебель же таскать!

— Ты выносливее любого человека. А они справляются.

Анубис упал обратно в подушку, продолжая ворчать.

— А где Амон?

— Пошёл за чаем. Рабам иногда можно пить!

— Да-да, — отмахнулся Сет.

Нефтида сидела в спальне. Подогнув одну ногу под себя, листала какой-то журнал, судя по картинкам, по искусству. Она подняла голову и хмуро глянула на Сета:

— Как визит к Сехмет?

— Прекрасно! Она встретила меня голой, и мы занялись сексом прямо в дверях.

Он едва успел уклониться от полетевшей в его сторону подушки, а негодование на лице Нефтиды было таким искренним, что Сет не удержался от улыбки.

— Не смешно! — заявила Нефтида.

— Ну, я же не спрашиваю, как ты проводишь время с Зевсом.

— Он никак не может решиться на активные действия. — Нефтида сделала многозначительную паузу. — На действия с пантеонами, конечно. И с Хель. Казнить её нельзя, кто тогда будет держать мир мёртвых. Но наказать нужно.

— Как всё сложно.

Подобных метаний Сет не понимал. В его представлении наказание Хель нужно было вынести

сразу же, а не тянуть с этим. И богов объединить побыстрее, пока Кронос не вывел своих чудовищ.

Сет улёгся с другой стороны кровати, скользнул под покрывало, нагретое теплом сидящей рядом Нефтиды.

— Устал? — сочувственно спросила она.

— Замёрз. Меня надо согреть!

Отложив журнал, Нефтида тоже юркнула под одеяло. Её прикосновения были не обжигающими, но невесомыми, будто крылья ночных бабочек. А потом всё более требовательными, пока она раздевала Сета.

За многие и многие годы они успели отлично узнать тела друг друга. И всё равно Сету нравилось гладить кожу Нефтиды, ощущать изгибы и дыхание на шее.

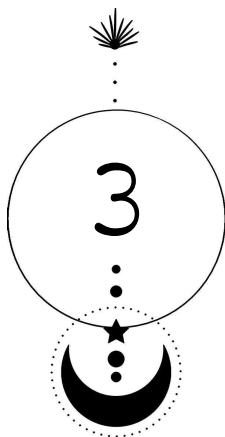
Песок смешивался с ночными цветами, пряная ночь поглощала бурю, рождая что-то новое и удивительное. Сет не сдерживал свою силу в постели, он знал, что его глаза отливают красным, но Нефтида легко воспринимала его мощь, нежно и трепетно, вбирала в себя и возвращала чем-то спокойным и умиротворённым.

Вокруг них раздавался высокий мелодичный тон, иногда так поют пески в пустыне, взывая к звёздному небу вместе с пылью.

— Мой избранный, — шептала Нефтида на древнеегипетском.

И её тело становилось его обителью, где грозный самум скручивался в песчаного фенека, где царапающие колючки акаций опадали лепестками цветов, где среди барханов уносился к небу дым от костров туарегов.

Нефтида шептала, что любит его. И Сет отзывался — как и тысячи лет до этого.

Скрестив ноги, Анубис сидит на полу и курит, выпуская дым в потолок. Это помогает успокоиться. По крайней мере, он уже не ходит по комнате и не пинает со злости вещи.

Гадес появляется бесшумно и усаживается рядом. Тянется к пачке и тоже достаёт сигарету.

— Почему он вечно никого не слушает? — Когда Анубис начинает говорить, то сам слышит, как прорывается раздражение в голосе. Ещё не успокоился.

Гадес тонко улыбается:

— Зато мы знаем, в кого ты такой.

Анубис бурчит что-то под нос. Его в принципе устраивает, что он не очень-то похож на занудного Осириса.

Меланхолично выпустив дым в потолок, Гадес говорит:

— Ты же его знаешь. Он — воин, он — клинок. Он никогда не останется в стороне, всегда пойдёт первым.

— И ляжет первым.

— Он — лезвие. А мы будем гардой.

Мышцы болели после трудового дня, и Ану-
бис особенно долго стоял под душем, наслажда-
ясь теплом. Он хорошо помнил время, когда воду
приходилось набирать из колодцев и подогревать.
Хорошо хоть в Дуате имелись горячие источники.

Анубис и сейчас чувствовал мертвецов. Ещё од-
на причина, почему в последнее время он начинал
и заканчивал день в ванной: постоянно хотелось
помыться, словно струи могли смыть ощущения.
Заставить исчезнуть чёрные крылья царства мёрт-
вых. Анубис старался не задумываться, что теперь
так будет всегда.

После того как Кронос вырвался на свободу,
стало хуже.

Анубису казалось, он почти привык, перестал
обращать внимание на плотную тень Дуата за спи-
ной, но потом мир начал трещать по швам, будто
старый, выжженный солнцем мешок. Сквозь обра-
зовавшиеся щели просачивались древние чудови-
ща, которые просыпались. Мир становился... Ану-
бис не мог подобрать точного слова. *Неправильным.*

Он сам начал не только ощущать мертвецов, но
и слышать их. Они пробирались в сны, нашёпты-
вали что-то на сотнях языков, стоило наступить
тишине. Анубис терялся в них, старался игнори-
ровать, но порой они становились слишком гром-
кими. Это выматывало, и Анубис не расставался
с наушниками: музыка отлично заглушала загроб-
ные голоса.

В какой-то момент Амон начал ходить за ним по
пятам, и Анубис замечал его украдкой брошенные
беспокойные взгляды. В итоге сорвался и огрыз-
нулся, что нянька ему не нужна. Амон не обиделся,
но предложил заняться чем-нибудь в клубе.

Никто не заставлял их таскать мебель, с этим
вполне бы справились люди, но Анубису нрави-

лось делать что-то, не связанное ни с Дуатом, ни с божественной силой.

Выключив воду, Анубис вылез из ванны и потянулся за большим полотенцем, но в этот момент заметил внимательно следящие за ним глаза почти из-под потолка, с верхней полки шкафчика.

— Подсматривать нехорошо, — проворчал Анубис и начал вытираться.

Пёс Сета зевнул и устроился поудобнее. Можно было решить, что его послал Сет, но это точно не так. Сет не следил за Анубисом, оставляя ему полную свободу действий.

Всё равно кожа оставалась будто липкой от бес-телесных прикосновений, не смыть водой. Анубис постарался не обращать внимания и побыстрее лечь спать в своей комнате.

Стоило ему задремать, он увидел старые сны: пылающий огонь, силу, которая срывала барьеры. В своих кошмарах Анубис не мог контролировать мощь и убивал всех, кого он любил. Собственными руками останавливал их сердца, и теперь их следовало взвесить перед вратами в Дуат.

Открыв глаза, Анубис сел на кровати, тяжело дыша. Ему давно снились подобные вещи, с самого детства, но в последний раз он видел эти сны накануне приёма, устроенного Зевсом. Вещими не были, но вот пугающими — точно. Легко обнажающими самые сильные страхи, в которых Анубис не решился бы признаться.

Он посидел какое-то время, снова лёг, но больше сон не шёл. Проворочавшись не меньше часа, Анубис всё-таки сдался. Натянув штаны и футболку, вышел из комнаты: квартира дышала тишиной, все спали. На кухне Анубис выпил воды, посмотрел, что часы показывали четыре утра, на них как раз красиво лёг лунный свет из окна.

Из-за звёзд в гостиной с её огромными панорамными окнами было почти светло. Анубис размышлял, чем бы ему заняться и как убить время, когда его взгляд наткнулся на пачку таблеток, лежавших на столе. Снотворное, что принесла Нептида и которое действовало даже на богов. Сету оно явно помогло.

Недолго думая Анубис решил — это отличное решение проблем. Он выпил одну таблетку и крутил в руках пачку, размышляя, следует ли принять вторую или всё же найти инструкцию.

Голоса мертвецов стали громче. Языки, на которых они говорили, смешивались в единое невнятное бормотание, наполняли голову, виски тут же заломило от боли, и Анубис больше всего на свете хотел, чтобы они наконец заткнулись. Он выпил ещё одну таблетку — или это уже третья? — глаза слипались, так что он улёгся прямо на диване.

Сны действительно не снились, а мертвецы вроде бы замолчали, но потом накинудись с удвоенной силой. Они пытались утянуть, утащить в Дуат или ещё дальше. Анубис соскальзывал. Его сила вырывалась, клубилась вокруг него самого.

Анубис и раньше плохо с ней управлялся. Боялся, что она разрушит ненароком его самого, чаще — что всех вокруг. Сейчас он попытался встать, но понял, что уже не спит. Он оказался глубже, чем любые сны, окутываемый мертвецами и собственной холодной, пронизывающей силой смерти.

Как будто он уходит под воду с привязанными к ногам камнями и мечется, захлёбывается, не может понять, в какой стороне мутная поверхность.

Анубис готов был запаниковать, но у него имелся ориентир. Маяк. В какую бы бездну ни утягивала его собственная сила, как бы он в ней ни

терялся, он помнил о маяке, на свет которого шёл без сомнений и колебаний.

Мать для этого не подходила, Нефтида сама по себе была слишком ускользающей, тайной, водой, которая везде находит дорогу. Она — тишина между ударами сердца, холодная ночь в пустыне, едва уловимый запах жасмина. Анубис любил её, но ни за что из этого не мог уцепиться.

Сет же оставался земным, настоящим и... ощущаемым. Даже когда каждую пору кожи Анубиса заполняла сила смерти и мертвецов, он мог почувствовать Сета. Его спокойный песок, так сильно связанный с землёй, что сам Сет становился чем-то очень основательным. Нагретые камни и жалящие скорпионы.

Анубис и сейчас уцепился за это, устремился к маяку. Вынырнул из собственной вязкой силы.

И задрожал от холода, обхватывая себя руками. Отплёвываясь от ледяной воды. Она стала таким реальным продолжением ощущений, что в первый момент Анубис не мог сообразить, где он и что происходит. Потом понял, что сидит в ванне, прямо в одежде, и Сет щедро поливает его из душа.

— Проснулся? — хмуро спросил Сет. — Сколько таблеток выпил?

— Одну. Может, две... или три...

— Займись арифметикой на досуге. У тебя с ней проблемы.

Анубис осторожно покосился на Сета, боясь увидеть на его лице раздражение, но Сет казался спокойным. Он ни разу в жизни не смотрел на Анубиса с неодобрением.

— Извини, я не специально, — пробормотал Анубис.

— Знаю. Не мог уснуть?

Анубис кивнул. Спросил:

— Который час?

— Ночь ещё.

Не хотелось думать, что могло произойти, если бы Анубис не проснулся: в крайнем случае умерло физическое тело, не страшно, вернулся бы. Хотя сейчас такого лучше избегать.

— Почему я всегда доставляю столько проблем...

Обхватив колени, Анубис мелко дрожал. Сет выключил воду и кинул ему полотенце.

— Не носи чушь.

Анубис промолчал. Он знал, что Сет начинает ругаться, когда его действительно что-то задевает. Вытер волосы.

— Неужели ты не понимаешь? — Сет казался искренне удивленным. — Ты — один из самых сильных богов. Просто тебе сложно направлять эту силу.

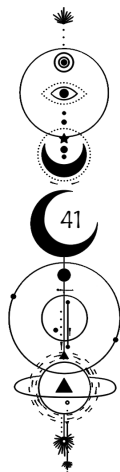
Он помнил, как познакомился с Сетом. Тогда Анубис почти не бывал в мире людей, а собственную стихийную силу оказывалось всё сложнее контролировать. Ему почти каждую ночь снились кошмары о том, что он случайно выжигает весь Дуат.

В свойственной ему отстранённой манере Осирис сообщил, что Анубис отправится к матери — и к Сету. О последнем Анубис слышал, что он муж Нефтиды и брат Осириса, который хотел его убить. Об этом, разумеется, судачили даже ушебти, так что историю Анубис знал хоть и однобоко, но хорошо.

Осирис не упоминал брата, а Нефтида сама приходила к сыну, поэтому чего ожидать, а главное зачем, Анубис не понимал. Да и мир людей особо не знал.

— Он покажет, — это всё, что сказал тогда Осирис.

Анубис хорошо помнил прищуренный взгляд Сета и его слова:

— Ну, здравствуй, племянничек.

В первое время, разумеется, всё было плохо. Сет оказался вспыльчивым и нетерпимым, Анубис ничуть от него не отставал и сначала молчал, а потом всё делал назло. Он специально нарывался, чтобы его поскорее отправили обратно в понятный и привычный Дуат.

Но потом Сет взял его в пустыню. Когда Анубис впервые увидел верблюдов, он искренне удивился и долгое время гладил их, зарываясь пальцами в курчавую шерсть, касался жёстких губ и с трудом удержался, чтобы не потрогать длинные густые ресницы, защищавшие глаза животных.

Верблюды стали первым искренним и безграничным восторгом в жизни Анубиса.

— Ты что, раньше их не видел? — удивился Сет. — Они же по всему Кемету.

Тогда Анубис впервые не огрызнулся, покачал головой. В Дуате верблюдов не существовало. Пустыни тоже. В ту поездку Анубис куда лучше понял Сета, возможно, тот не любил царство мертвецов именно потому, что там не было неба.

Внутри Сета перекатывалась эта пустыня, спокойная, с завывающим ветром, песком и звёздами. Но именно Сет после этой поездки показал притихшему Анубису, что мир людей сильно отличается от Дуата. Сет любил людей, а вслед за ним полюбил и Анубис. Оказалось, здесь действительно куда интереснее, чем среди мертвецов. И дальше Анубис каждый раз радовался перспективе улизнуть от Осириса и Дуата.

Хель заперли в той же комнате, в которой до этого сидел Фенрир. Анубис понятия не имел, сделано это специально, с извращённым чувством мести, или не нашлось другого подходящего помещения.

Продавленный диван она игнорировала, устроившись у стены, подтянув к себе колени. Джинсы на коленке разорваны, и можно лишь гадать, были ли они такими изначально.

Взяв стул, Анубис уселся на него верхом и положил голову на спинку.

— Как ты здесь?

— Лучше, чем могла бы, — уклончиво ответила Хель.

Она смотрела на стену, собственные колени, даже ножки стула, но не на Анубиса. Он догадывался почему. Фенрир и Анубис не были друзьями, но хорошими знакомыми — о да. Наверное, если бы не случилось целого вороха других вещей, казнь Фенрира трогала бы больше.

— Они не знают, что с тобой делать.

— Понимаю, — фыркнула Хель. — Убить меня нельзя, что тогда будет с мертвецами. Отпустить тоже не могут. А мой пантеон, подозреваю, предлагает вам снова самим решать проблемы.

Долго они молчать не смогут. Анубис отлично знал, что Гадес насаждает на Зевса: тот по каким-то причинам именно сейчас решил не торопиться наводить порядок и организовывать всех и вся. Хотя стоило бы. В Лондоне собрались представители почти всех пантеонов, божественные чатики так и лопались от сообщений, хотя большинство спрашивало, какие бары самые приличные, а Шива уже всех достал, ежедневно отчитываясь о стрип-клубах.

Кроме скандинавов. Они не игнорировали, но отвечали лаконично, и Анубис видел, как хмурился Гадес, когда об этом заходила речь, как переговаривался о чём-то с Амоном, и тот неизменно мрачнел, как будто на солнце находила тень.

Анубис предпочитал не лезть в эти дела. Не потому, что ему неинтересно, а потому, что он ничего

не понимал в «божественной политике». Мешал. Если же его помощь понадобится, ему скажут.

— Зачем ты пришёл, Анубис? — Хель наконец-то посмотрела на него. — Зашёл в гости? Поглумиться? Высказать всё, что обо мне думаешь?

— Ни то, ни другое, ни третье. Я пришёл за советом.

— Моим? С чего бы вдруг?

— Потому что он о царстве мёртвых.

— Спроси у Гадеса.

Анубис не хотел рассказывать, что Гадес понятия не имел, о чём говорил Анубис, и ничем не мог помочь. Да и Анубис хорошо понимал, что у того хватает других проблем, а не разбираться с царством другого пантеона.

— Я слышу мертвецов, — сказал Анубис. — С тех пор, как Кронос на свободе.

Хель как будто удивилась, но потом нахмурилась:

— Равновесие в мире пошатнулось. Всё может быть.

— И что делать?

— Понятия не имею. Кронос не будет обращать внимание на такие мелочи. Ему плевать, даже если весь мир рухнет. Он построит новый.

— А он может?

— Вряд ли. Но сам он уверен, что да.

Анубис склонил голову, всмотревшись в Хель:

— Ты много знаешь о Кроносе. Зачем же хотела его освободить?

— Не хотела.

Он ждал, она скажет что-то ещё, но Хель молчала и неловко вырывала нитки из дырки на джинсах, словно сейчас это стало самым важным делом на свете. Анубис вздохнул, размышляя, что зря он пришёл, лучше бы сразу отправился в зал клуба.